

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА
НА IV МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

За последние годы в исследованиях по славянскому глагольному виду вновь значительное место заняли генетические проблемы. На IV Международном съезде славистов специально вопросам происхождения вида было посвящено четыре доклада — И. Немца (Чехословакия), В. Томановича (Югославия), Г. Кёльна (Дания) и Ю. С. Маслова (СССР)¹. В прениях по докладам выступило 9 человек, в их числе А. И. Руднев (СССР), А. В. Исаченко (Чехословакия), В. В. Бородич (СССР), А. Достал (Чехословакия), А. Минович (Польша), Р. Ружичка (ГДР), А. Белич (Югославия). Тема генезиса вида была затронута и в других докладах по виду, а именно в докладах А. Мазона (Франция) и отчасти И. Грицкат (Югославия)². В связи со съездом были опубликованы также статья В. Махка (Чехословакия) о происхождении вида³ и ряд

ответов на вопрос № 14 Советского комитета славистов к участникам съезда «Каково было видовое значение глагольных основ в праславянском языке?»⁴. Незадолго до съезда вышла из печати книга И. Немца «Генезис славянской видовой системы»⁵, и статьи на близкую тему А. К. Кошелева и Т. П. Ломтева⁶, а многим раньше большая статья Г. Кёльна, посвященная в основном тому же кругу вопросов⁷.

Взятая в целом, проблема происхожде-

1958. Там же ссылки на другие работы Махка, посвященные отдельным сторонам того же вопроса.

⁴ Ответы А. Достала, Ю. С. Маслова, В. В. Бородич, И. Немца, Й. Хамма и В. Томановича напечатаны в «Сборнике ответов на вопросы по языкознанию», стр. 96—111. Ответ А. Белича — в сб. «IV Меѓународни конгрес слависта. Одговори југословенских слависта на питања националног славистичког комитета у Москви», Додатак «Јужнословенском филологу», књ. XXII, Београд, 1958.

⁵ I. Němec, Genese slovanského systému vidového, «Rozpravy ČAV», Řada společ. věd, ročn. 68, seš. 7, 1958 (на стр. 104—111 франц. резюме). Ср. и другие работы того же автора, в частности: «Kategorie determinovanosti a indeterminovanosti jako základ slovanské kategorie vidu», «Slavia», ročn. XXV, seš. 4, 1956; «K otázce staroslověnských participií praes. act. sloves dokonavých», «Slavia», ročn. XXVI, seš. 1, 1957 и «Iterativnost a vid», «Slovo a slovesnost», ročn. XIX, číslo 3, 1958.

⁶ А. К. Кошелев, К вопросу о создании типов первоначальной парности по виду в древнерусском языке, «Вестник МГУ», Историко-филологич. серия, 1958, № 2; Т. П. Ломтев, О возникновении и развитии парной корреляции внутри одного глагола по категории совершенного и несовершенного вида в русском языке, «Сб. статей по языкознанию. Профессору Моск. ун-та акад. В. В. Виноградову», М., 1958.

⁷ H. Kölln, Vidové problémy v staroslověštině «Universitas Carolina» (XI — Philologica), vol. 3, № 1, 1957.

¹ Доклады были прочитаны на заседании подсекции сравнительной грамматики 3 IX 1958 г., а предварительно опубликованы в следующих изданиях: 1) I. Němec, Vznik a vývoj vidu v souvislosti s vývojem tvoření slovesných kmenů, «Československé přednášky pro IV Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě», Praha, 1958; 2) В. Томанович, Каково было видовое значение глагольных основ в праславянском языке, «Сборник ответов на вопросы по языкознанию IV Международному съезду славистов», М., 1958, стр. 109—111; 3) H. Kölln, Die Entstehung des slavischen Verbalaspektes, «Scando-slavica», т. IV, 1958; 4) Ю. С. Маслов, Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида, «IV Международный съезд славистов. Доклады», М., 1958.

² A. Mazon, L'aspect des verbes slaves (principes et problèmes), Moscou, 1958, стр. 22—25 (в русск. переводе стр. 54—57); И. Грицкат, О неким видским особенностям српскохрватского глагола, «Јужнословенски филолог», XXII, 1958, особенно стр. 110 и сл.

³ V. Machek, Sur l'origine des aspects verbaux en slave (и русск. резюме), «Славянская филология. Сб. статей» (IV Международный съезд славистов), III, М.,

ния славянского глагольного вида естественно распадается на ряд таких взаимно связанных, но в известном смысле автономных вопросов, как: 1) вопрос о наличии (и характере) или отсутствии генетической связи между системой славянского совершенного и несовершенного вида (в дальнейшем С/НС) и индоевропейской системой «видовых основ» — презента, аориста и перфекта; 2) вопрос о роли в процессе формирования С/НС таких форм, как славянские аорист, имперфект, причастия; 3) вопрос о первоначальных функциях формальных средств, использованных при построении морфологического механизма С/НС, и о путях пересоздания и сдвигах функций каждого из этих средств в процессе формирования видовой системы.

1

Первый вопрос непосредственно на съезде затрагивался лишь вскользь, но в предшествующих съезде публикациях он рассматривался подробнее. Больше всего внимания уделил этому вопросу И. Немца, решающий его положительно в духе «теории преемственности» Г. К. Ульянова¹. Ход рассуждений И. Немца вкратце таков.

«К числу правдоподобных выводов индоевропейского сравнительного языкознания принадлежит реконструкция поздней индоевропейской праязыковой корреляции презентных и претеритальных глагольных основ типа *bhēudh-(e)-: *bhudh-ē. Презентная основа с ослабленным корнем (*bhēudh-) выражала длительное, нецелостное действие (состояние), тогда как претеритальная основа с ослабленным корнем (*bhudh-) — действие недлительное, целостное»². Это различие было по своему содержанию видовым: противопоставление целостности и нецелостности (комплексности и некомплексности — в дальнейшем К/НК) как раз и составляет сущность славянской категории С/НС³. Унаследованные от индоевропейского праязыка претеритальные основы с ослабленным вокализмом корня имели на славянской почве с самого начала «еще до возникновения системы видовых пар» комплексное, т. е. совершенное, видовое значение, и явились, наряду с другими моментами, важным фактором, способствовавшим формированию категории С/НС. В историческую пору эти основы оказались сосредоточенными во II глагольном классе и стали ядром продуктивного типа перфективных основ⁴.

Кроме того, в согласии с И. Зубатым, Н. Ван-Вейком и Х. Стангом, И. Немца

видит в славянских основах глаголов состояния с суффиксом -i/-ē- продолжение индоевропейского перфекта и плюсквамперфекта (материально — в основах с корневым вокализмом -o- и в глаголе *veděti*, а функционально — также в других случаях⁵). Это последнее утверждение как будто не вызывает возражений, но само по себе оно еще не дает права говорить о преемственности в целом между индоевропейской и славянской системой вида. Что же касается «претеритальных основ с ослабленным вокализмом корня», или, как их обычно называют, индоевропейских корневых аористов, то в науке выдвигались серьезные сомнения в отношении их роли в процессе создания славянской системы С/НС. В частности, А. Достал в своей капитальной монографии о виде в старославянском резонно возражал против стремления А. Мейе и других ученых выводить видовое значение славянских бесприставочных основ из их индоевропейских этимологий⁶. По-видимому, аргументы И. Немца не побудили А. Достала изменить свою точку зрения по этому вопросу⁷.

Отрицательное отношение к «теории преемственности» высказали также В. Махек и Г. Кёльн⁸. Последний, в частности, считает, что бесприставочные перфективные основы славянских языков потому не могут быть объяснены из старых корневых аористов, что корневые аористы, как вытекает из материалов А. Вайана, были первоначально, в противоположность сигматическим аористам, носителями значения переходности.

К этому можно добавить еще следующее. Все не является доказанным, что то видовое по содержанию противопоставление основ презентя и основ аориста, которое мы наблюдаем в древнегреческом и которое, действительно, с точки зрения значения весьма близко славянскому противопоставлению С/НС, уже существовало — в той или иной форме — и в праиндоевропейском. Наоборот, есть основания думать, что общиндоевропейское содержание этого противопоставления было иным, что на греческой почве мы имеем здесь своеобразную инновацию⁹. Осо-

⁵ См. там же, стр. 40.

⁶ См. А. D o s t á l, Studie o vidovém systému v staroslověštině, Praha, 1954, стр. 106.

⁷ См. «Сборник ответов на вопросы по языкознанию», стр. 97.

⁸ См. V. M a c h e k, указ. соч., стр. 55 и 60; Н. K ö l l n, Vidové problémy..., стр. 87—91; е г о ж е, Die Entstehung..., стр. 309.

⁹ Еще Н. Ван-Вейк отмечал: «так как ни в каком другом языке употребление аориста не является точно таким же, как в греческом, мы не знаем, восходит ли это употребление к индоевропейской эпохе» (N. v a n W i j k, Sur l'origine des az-

¹ См. Г. У л ь я н о в, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. 1—1891, ч. 2 — 1895, Варшава.

² I. N ě m e c, Genese..., стр. 16.

³ См. там же, стр. 17 и 12—13.

⁴ См. там же, стр. 28—29.

бенно неясен вопрос о первоначальном содержании оппозиции основ, этимологически соответствующих греческому презенту и аористу, на почве тех «северных» индоевропейских диалектов, из которых развились праславянский, прабалтийский и прагерманский. И вообще не очень правдоподобным (хотя и не абсолютно невозможным) кажется предположение, будто в дославянском языке, задолго до возникновения славянских видов, видовые значения К/НК уже существовали и выражались какими-то специальными языковыми формами, т. е. составляли грамматическую категорию, и будто бы в дальнейшем содержание этой категории оставалось неизменным, а менялась только система форм ее выражения и сфера ее применения в языке¹.

Словом, как и большинство участников рассмотренной дискуссии, мы склоняемся к тому, что категории С/НС представляют собой не только с точки зрения системы своих форм, но также и с точки зрения своего смыслового содержания и специфического повествования славянской эпохи, а не наследие индоевропейской древности.

2

Решение второго вопроса — о роли в процессе формирования категории С/НС форм славянского аориста, имперфекта и различных причастий в немалой мере зависит от того, как рассматривается данным исследователем древнейшее смысловое содержание славянской корреляции аорист: имперфект (и причастия настоящего времени: причастия прошедшего времени), считает ли он названные формы «чисто временными» или в той или иной степени также видовыми. Первая точка зрения была преобладающей (хотя и не безраздельно господствующей) в науке последних десятилетий². Вторая, однако, оказалась достаточно авторитетно представленной на съезде, так как Г. Кёльну удалось подкрепить ее новой аргументацией, основанной на фактах, ранее не замеченных или не оцененных по достоинству.

pects du verbe slave, RESL, t. IX, fasc. 3, 1929, стр. 238). Ср. также A. Vaillant, L'aspect verbal du slave commun; sa morphologisation, RESL, t. XIX, fasc. 3—4, 1939, стр. 291; Chr. S. Stang, Das slavische und baltische Verbum, Oslo, 1942, стр. 7 и сл.

¹ Ср. «Сборник ответов на вопросы по языкознанию», стр. 100 и 101 и Ю. С. Маслов, указ. соч., стр. 4 и 38.

² См.: V. Navránek, Aspect et temps du verbe en vieux slave, «Mélanges Bally», Genève, 1939; A. Dostál, указ. соч., стр. 598—602. Противоположного взгляда придерживается, например, Н. Chr. Sørensen, Aspect et temps en slave, Aarhus, 1949, стр. 29 и 133—149.

Как известно, до сих пор считалось, что аорист и причастия прошедшего времени, начиная с древнейшей поры, свободно образуются в славянских языках от основ обоих видов, хотя и употребляются чаще от основ совершенного вида. Правда, в литературе встречались отдельные указания на то, что в тех или иных памятниках или группах памятников не отмечены в формах аориста некоторые типы основ совершенного вида, именно — вторичные имперфективные основы³. Но этим частным наблюдениям не придавали значения. Г. Кёльн обратил на данный вопрос специальное внимание и пришел к очень интересному результату: «несовершенные производные образования от приставочных глаголов, т. е. те образования, которые являются типично славянскими и создают систему вида, первоначально не употребляются в аористе и причастиях прошедшего времени»⁴, включая, в частности, и причастия на -лъ. Так обстоит дело в старославянском переводе евангелия, а также в древнейших памятниках древнерусского, старочешского (за исключением причастий на -л) и старонольского языка (для последнего показательна форма причастий, кроме причастия на -л). Исключения единичны, и Г. Кёльн каждый раз стремится объяснить их какими-то специальными причинами. О принципиальных выводах из своего наблюдения Кёльн говорит так:

«Исследователям, находившим категорию вида в глаголе готского, литовского, греческого, латинского и других языков, справедливо указывали на то, что в этих языках нет производных имперфективных образований от приставочных глаголов и что тем самым в них не может быть вполне развитой системы вида, какую имеем в славянском. Однако слависты делали ту же ошибку в отношении славянского аориста; они не приводили примеров на аористы от производных имперфективных образований приставочных глаголов»⁵. Поскольку таких примеров аориста и причастий прошедшего времени для ранней эпохи, действительно, нет, в рамках этих форм «мы имеем столь же мало оснований гово-

³ Ср., например, замечания А. А. Потебни: «... в древнерусском аористе, сколько мне известно, не встречается в глаголах на -ывати, -ивати, -овати, -евати» (А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, IV, М.—Л., 1941, стр. 158) или указание А. Мейе на то, что в старославянском переводе евангелия не засвидетельствован аорист от «итеративных» основ (A. Meillet, Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, pt. 1, Paris, 1902, стр. 84).

⁴ Н. Kölln, Vildové problémy..., стр. 91.

⁵ Н. Kölln, Die Entstehung..., стр. 310.

речь о видовом противопоставлении глаголов, как и по отношению к формам греческого аориста или латинского перфекта. Нельзя безоговорочно утверждать, что несовершенные глаголы свободно наряду с совершенными выступают в формах аориста и причастий прошедшего времени, и что поэтому сами эти формы нейтральны в отношении вида».

И Кёльн приходит к заключению, что указанные формы (в противоположность имперфекту и причастиям настоящего времени) «обозначают совершенный вид», что оппозиция «аорист, причастия прошедшего времени : имперфект, причастия настоящего времени» и оппозиция «приставочный глагол : его имперфективный производный» обладают в тот период тождественным смысловым содержанием, а «первичные», немаркированные имперфективные основы, выступая в формах аориста и причастий прошедшего времени, теряют свое несовершенное значение.

Впрочем, по отношению к имперфекту и причастиям настоящего времени Г. Кёльн не может провести свою точку зрения о смысловом тождестве двух оппозиций, так как ему мешают случаи употребления этих форм от основ совершенного вида¹. Выступивший же в прениях Р. Ружичка справедливо заметил, что и в отношении аориста эта точка зрения не может считаться доказанной, так как из факта отсутствия в старославянском евангелии форм аориста от маркированных несовершенных основ типа *събирати* еще вовсе не вытекает, чтобы все другие представленные там формы аориста имели значение именно совершенного вида.

Нам представляется, что наблюдение Г. Кёльна чрезвычайно ценно и вряд ли могло бы быть оспорено даже в том случае, если бы его возможным оппонентом удалось дополнительно привести десяток-полтора исключений из сформулированного им правила. Наблюдение это лишний раз и особенно ясно показывает, что различие между славянским аористом и имперфектом не является различием чисто временным, темпоральным. Но, соглашаясь со многим в рассуждениях Кёльна, мы думаем, что он идет слишком далеко, когда выдвигает идею абсолютного тождества двух корреляций. Вероятно, правильнее будет говорить, по крайней мере для реально засвидетельствованных славянских языков и диалектов, лишь о частичном смысловом совпадении этих корреляций, о значительной степени их смысловой близости, так сказать — о виде в широком смысле (корреляция имперфект : аорист и видовые оттенки в причастиях) и виде в узком смысле (корреляция С/НС). Разумеется, определить ближе древнейшее содержание видового в широком смысле противопоставления им-

перфект : аорист есть дело будущего конкретного исследования.

Что касается непосредственно вопроса о генетических связях между системой славянского имперфекта и аориста и системой С/НС, то наличие таких связей В. В. Бородич усматривает в совпадении или, как она считает, тождестве суффикса имперфекта и суффикса имперфективации *-ja-*. Она пишет: «Суффикс имперфекта *ē* или его фонетический вариант *ja* становится суффиксом для образования и других глагольных форм (действительных причастий настоящего времени, настоящего времени, инфинитива и т. д. — например, от *кръстити* — имперфект *кръщаахъ*, — а от основы имперфекта новый глагол — *кръщати*)»².

И. Немец в принципе согласен с В. В. Бородич в том, что форма имперфекта играла важную роль в процессе создания видовых пар³, но справедливо отрицает возможность прямого использования основы имперфекта в качестве вторичной имперфективной основы во всех тех случаях, когда имперфективная основа характеризуется удлинением коренного гласного (ст.-слав. *раждати* от *родити* и т. д.). В целом же славянские аорист и имперфект оказываются в концепции И. Немеца, так сказать, одним из воплощений индоевропейской корреляции К/НК на ее пути к окончательному воплощению в категорию С/НС: если первоначально корреляция К/НК осуществлялась в противостоянии претеритальных и презентных основ, то затем НК проникает в сферу претерита⁴. С помощью суффиксов глаголов состояния *-ē-* и *-ā-* образуются формы некомплексного претерита, прототипа славянского имперфекта, и тем самым вырабатывается возможность выразить каждое прошедшее действие как комплексное или как некомплексное. Затем, когда в результате такого же размежевания К и НК в сфере презенса (о чем см. ниже) возникает «вид целых глаголов» (т. е. С/НС), он вступает в противоречие со старым «видовым значением отдельных форм» и одерживает над ним победу сперва в аористе, становящемся «невидовым прошедшим», а позже — и в имперфекте⁵.

² «Сборник ответов на вопросы по языкознанию», стр. 105. Ср. также: В. В. Бородич, К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках, ВЯ, 1953, № 6, стр. 78 и 79; е е же, К вопросу о видовых отношениях старославянского глагола, «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. IX, 1954, стр. 58. Сходную точку зрения отстаивает и А. К. Кошелев (см. указ. соч., стр. 11 и сл.).

³ I. Němec, Genese..., стр. 25.

⁴ См. там же, стр. 49 и сл.

⁵ См. там же, стр. 55—56, 89—91 и 98—99.

¹ H. Kölln, Die Entstehung..., стр. 312.

По Г. Кёльну, наоборот, «совершенное» видовое значение форм аориста не является изначальным, унаследованным от индоевропейской эпохи. Он подчеркивает, что в течение длительного периода славянский аорист был не только единственной, но и (вследствие этого) «вполне нейтральной» формой прошедшего времени, «принципиально невидовым претеритом»¹. «Совершенное» видовое значение аорист получил только позже, с возникновением «несовершенного претерита» (имперфекта) и по контрасту с ним.

Таковы основные разногласия между участниками съезда по второму вопросу.

3

Что касается третьего вопроса, то основные споры велись здесь вокруг гипотезы о происхождении славянской видовой системы из различий *определённости / неопределённости* (детерминированности / индетерминированности) глагольного действия (в дальнейшем — О/НО).

В качестве наиболее последовательного защитника этой гипотезы выступила В. В. Бородич, которая стремится максимально расширить объем понятий О и НО и подвести под эти понятия наибольшее число языковых фактов. Уже у Ван-Вейка (ср., например, указ. соч.) корреляция О/НО носила несколько расплывчатый характер, так как охватывала, кроме славянской оппозиции определенных и неопределенных глаголов движения (*нести/носить* и т. д.) вместе с этимологически соответствующими оппозициями других индоевропейских языков, еще и противопоставление приставочных и бесприставочных глаголов, выражающее другое содержание. В. В. Бородич включила сюда еще оппозицию глаголов действия и состояния, а также и славянскую корреляцию аорист : имперфект. Все способы образования перфективных и имперфективных основ, составляющие механизм С/НС, восходят, по мнению В. В. Бородич, к единой лексико-грамматической категории О/НО. В данном отношении между этими способами нет никакой разницы, хотя в процессе формирования вида функции двух важнейших способов образования основ, префиксации и суффиксации (подразумевается: суффиксальной имперфективации), были различны. Первая сама по себе не могла создать категорию вида (как не создала ее в неславянских языках, имеющих глагольные приставки), вторая же стала ядром этой категории.

Целиком принимает гипотезу о возникновении славянской системы вида из категории О/НО и И. Немец, хотя он и стремится дополнить эту гипотезу «теорией

преемственности», о которой говорилось выше. Понятия О и НО Немец толкует так же широко, как и В. В. Бородич, в некотором смысле, как сейчас увидим, даже еще шире. Правда, подобно Ренггелю², он стремится и несколько уточнить эти понятия, вводя разграничение между маркированной и немаркированной О (и НО). Соответственно этому он получает три группы глаголов³: 1) маркированные неопределенные (суффиксальные типы *nos-i-ti, pad-a-ti, sěd-ě-ti*), 2) маркированные определенные (основы с назальным суффиксом вроде *svyt-ne-tь* и с приставкой вроде *vъz-mošti*) и 3) немаркированные, способные выступать как в определенном, так и в неопределенном значении (бесприставочно-бессуффиксные основы, в том числе и основы глаголов движения вроде *nesti*, традиционно относимые к определенным, а также и такие, как *pasti*, ставшие в историческую эпоху исключительно или преимущественно перфективными). Но здесь же оказывается, что не только глаголы третьей группы, но и вообще любой глагол, будучи употреблен в многократном или потенциальном значении, превращается в неопределенный. Это относится даже к формам совершенного вида в таких контекстах, как *V сосуд войдет* (= «может войти») *3 лупра*. Таким образом, очерченные были грани снова стираются, понятия расширяются и смешиваются.

Поворотным пунктом в процессе генезиса вида И. Немец считает переход маркированных определенных основ презенса (*svytinety* и т. д.) к выражению будущего времени с последующей утратой ими значения собственно настоящего⁴. Это последнее значение перенимают основы на *-ā* (*svita-jety*), что и ведет к окончательному размежеванию К и НК, до того дифференцированных, как мы видели выше, только в сфере претерита. Таким образом, имперфективация является у И. Немца лишь своего рода «поставщиком» форм настоящего времени взамен тех, которые утрачивали данное значение. Это значит, что процесс имперфективации не занял в его концепции того центрального и, так сказать, самостоятельного места, которое, вероятно, занимал в самом становлении вида.

Попытку как-то уточнить и ограничить понятия О и НО как базы для возникновения С/НС предпринимает Г. Кёльн⁵. Он предлагает видеть непосредственный источник видовых пар только в таких более старых парах определенных и неопре-

² См. С. G. Regnéll, *Über den Ursprung des slavischen Verbalaspektes*, Lund, 1944, стр. 50.

³ См. I. Němec, *Genese...*, стр. 23.

⁴ См. там же, стр. 79 и сл., а также стр. 98.

⁵ Н. Kölln, *Die Entstehung...*, стр. 308 и его же, *Vidové problémy...*, стр. 83—87.

¹ Н. Kölln, *Die Entstehung...*, стр. 309 и его же, *Vidové problémy...*, стр. 91.

деленных глаголов, у которых независимо от контекста в самом лексическом значении содержалось конкретное указание направления (исходной точки или цели) движения, аналогичное указанию, даваемому глагольными приставками. В качестве примера он берет *pasti : padati*, полагая, что уже до возникновения видовых пар такая пара существовала в языке, причем первый ее член выражал конкретное осуществление единичного целенаправленного действия, а второй — то же целенаправленное действие, но как многократное или в обобщенном смысле. В силу такого своего значения эта пара могла превратиться затем в видовую, тогда как, например, пара типа *nesti : nositi* — не могла — в ней самой по себе не содержалось «никакой конкретной детерминации направления», так что первый ее член становился совершенным только в сочетании с приставкой по мере того, как рядом с ним возникал соответствующий несовершенный член. Как видим, эта теория уже довольно далеко отходит от той «всеобъемлющей» О/НО, с которой мы познакомились, рассматривая теории других авторов.

Главным противником теории О/НО был на съезде А. Достал, придерживающийся прямого смысла терминов «определенные» и «неопределенные» глаголы, как они употребляются в грамматиках славянских языков, т. е. пазывающий так только парные глаголы а) движения — типа *nesti : nositi, leleti : lelati* и б) чувственного восприятия — типа русск. *видеть : видать*. Как известно, А. Достал уже и раньше выступал против теории О/НО, указывая, что эта корреляция представляет собой слишком узкую базу для развития категории С/НС¹. Теперь он остановился на этом вопросе подробнее и, в частности, подчеркнул, что теория О/НО «объясняет возникновение видовой системы только из одного источника, тогда как начиная от древнейших эпох ясно видно, что вся видовая система есть явление сложное..., что система эта использует различные морфологические средства»². Не исключая возможности того, что в отдельных видовых парах обнаружатся старые пары определенных и неопределенных основ, А. Достал считает, что оппозиция О/НО не могла быть единственной исходной точкой «такой сложной и тонкой системы, как система вида».

Может показаться, будто это замечание А. Достала бьет мимо цели, так как пикто из сторонников теории О/НО и не рассматривает О/НО как оппозицию одного морфологического типа (скажем: *нести : носить*), а наоборот, все они считают ее явление сложным, объединяющим в себе разные формальные типы оппозиций, ве-

роятно, не менее сложным, чем система вида. Но по существу А. Достал глубоко прав: рассматривая все типы видовых пар как продолжение единой, хотя и сложной корреляции О/НО, сторонники разбираемой теории помимо своей воли затуманивают важные, принципиальные различия между этими типами. Они переносят в доисторическую эпоху функциональное единство разных морфологических типов, сложившееся лишь в эпоху создания вида (и даже и теперь лишь относительное), и в результате лишают себя возможности увидеть новое качество в языке — появление единой грамматической оппозиции С/НС из взаимодействия нескольких разных (минимум двух разных) лексико-грамматических оппозиций, вырастающих на базе обобщения еще большего количества лексических способов действия (Aktionsarten)³.

Возражения против теории О/НО были сделаны и В. Махком⁴, предлагающим вернуться к первоначальной идее Ван-Вейка (позже отброшенной ее автором) о происхождении славянского вида из оппозиции итеративных (многократных) и неитеративных глаголов⁵ и развивающим эту идею на основе своих недавних работ о глаголах с интенсивными суффиксами⁶. «Детерминацию» глагольного действия В. Махек видит только в приставочных образованиях, где приставки как бы «собирают» действие либо по отношению к его началу, либо по отношению к его концу⁷. Таким образом, суффиксация и префиксация получают в концепции Махка глубоко различную трактовку, и это, конечно, можно только приветствовать⁸.

³ Вполне применимо критическое замечание А. Достала и к концепции И. Немца. Хотя подлинную «душу» этой концепции как целого составляет не О/НО, а К/НК, материально все типы видовых пар восходят и у И. Немца к единому противоположению определенных и неопределенных глаголов.

⁴ См. В. Махек, указ. соч., стр. 55—56.

⁵ См. там же, стр. 39 и сл. Близкие мысли высказывает А. К. Кошелев (указ. соч., стр. 10 и сл.) и, отчасти, Т. П. Ломтев (указ. соч., стр. 241 и сл.).

⁶ См. В. Махек, *Les verbes slaves en -chati*, «Lingua posnaniensis», t. IV, 1953; его же, *Slovanská intenziva slovesná s příponovým -stati*, «Studie a práce lingvistické», I (K 60 narozeninám akad. B. Havránka), Praha, 1954; его же, *Slavische Verba mit suffixalem sk*, «Slavistična revija», letn. X, 1957.

⁷ См. В. Махек, *Sur l'origine...*, стр. 51, 59—60.

⁸ Отметим, однако, что остается совершенно недоказанным и даже попросту непонятным упорное утверждение В. Махка

¹ См. А. Достал, указ. соч., стр. 35—37.

² См. «Сборник ответов на вопросы по языкознанию», стр. 98.

Вообще же правильный путь исследования вопросов генезиса вида предполагает, вероятно, в качестве обязательной предпосылки внимательный учет подчеркнутого А. Досталом факта сложности, так сказать, морфологической гетерогенности этой категории, вдумчивый учет глубокого различия функций имперфективации и так называемой перфективации в морфологическом механизме славянского глагола (и притом не только в период возникновения вида, но и в современном языке, о чем очень хорошо писал еще С. Карцевский¹).

В связи с этим, вероятно, правильнее будет и генетически возводить перфективацию и имперфективацию не к одной корреляции О/НО, а к двум разным, изначально не связанным между собой корреляциям, которые целесообразно разграничить и терминологически. Такое предложение (с ним согласились выступившие в прениях А. В. Исаченко и Р. Ружичка, но не согласилась В. В. Бородин) было сделано в докладе Ю. С. Маслова. За одной из этих корреляций — той, к маркированному члену которой восходит имперфективация, — можно было бы сохранить термин О/НО, не исключая, впрочем, возможности ее дальнейшего подразделения, а также и выдвигая в ней на одно из главных мест интенсивно-итеративного способа действия в соответствии с материалами В. Махка. Другую корреляцию — ту, к маркированному члену которой восходит перфективацию, лучше

(см. «Sur l'origine...», стр. 40, 55 и 58), будто славянский глагольный вид есть не грамматическая, а лексическая категория; оно тем более непонятно, что В. Махек, кажется, различает понятие «вида» и «способа действия» (у него — «mode d'action»).

¹ См. S. Karcevski, *Système du verbe russe*, Prague, 1927.

всего было бы назвать так, как ее обычно называют в грамматиках германских языков, — корреляцией *предельности/непредельности* (в международной номенклатуре — *терминативность/атерминативность*). И в рамках этой корреляции не исключается дальнейшее подразделение в соответствии со значением отдельных приставок и назального суффикса.

Думается, что поворотным пунктом в процессе стаповления вида явилось стремление дифференцировать в рамках предельных глаголов процессное значение и значение действительного достижения предела. Для выражения процессного значения используются (на первых порах эмфатически и факультативно) глагольные основы, прямой функцией которых было выражение неопределенности и многократности. Постепенно, по контрасту с возникшим таким образом несовершенным видом, соответствующие производящие предельные основы становятся совершенными. Раз возникнув, категория С/НС охватывает затем всю глагольную лексику, несколько меняя при этом свое смысловое содержание и приходя в итоге развития к тому значению К/НК, которое И. Немец предполагал для нее заданным заранее.

Разумеется, от научных съездов трудно ожидать внесения «окончательной ясности» в тот или иной спорный вопрос. Подводя общие итоги, мы можем повторить слова А. Мазона, сказанные в начале съезда: «Перед нами — серия остроумных гипотез, из которых ни одна, как бы велики ни были ее достоинства, не заставляет нас принять себя, отбросив все остальные»². И все же обмен мнениями был чрезвычайно полезен: точки зрения выяснились, столкнулись, могли быть четко сопоставлены.

Ю. С. Маслов

² А. Мазон, указ. соч., стр. 23.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА НА IV МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

Проблема образования и развития литературных языков в связи с историей общества — одна из центральных проблем современного языкознания, в частности славистики, — получила на IV Международном съезде славистов подробное и разностороннее освещение. В докладах и выступлениях на конгрессе, как и в публикациях к съезду, были поставлены центральные вопросы, в значительной мере определяющие пути дальнейших исследований в данной области науки о языке. Это вопросы о роли в формировании и развитии отдельных славянских литературных языков старославянского языка, народного и книжного начал, двуязычия, проблема сравнительно-исторического изучения ли-

тературных языков славянства, а также вопросы терминологии.

Необходимо отметить, что целый ряд кардинальных вопросов изучения старославянского как первого литературного языка славянства не только еще не разрешен, но многие из них в настоящее время впервые ставятся. Такое положение в значительной степени объясняется тем, что в послевоенные годы изучение старославянских памятников, как и исследование книжнославянского пласта, отошло в известной мере на второй план и внимание лингвистов сосредоточилось на другой, не менее важной проблеме — на исследовании народных, самобытных начал в литературных языках. В дискуссиях